

Во дни V годового съѣзда Р. С. Х. Д.

(Общія впечатлѣнія).

(Окончаніе).

РОСТЪ ЦЕРКОВНАГО СОЗНАНІЯ.

о. С. Булгаковъ.

Несмотря на многоразличныя трудности, стоящія сейчасъ передъ церковнымъ народомъ, общія мысли о положеніи вещей въ отношеніи церковнаго сознанія должны быть утѣшительными. И хочется повторить слова пророка Ісаіи: «Утѣшайте, утѣшайте народъ мой». Это не значитъ, конечно, что можно устранить испытанія Іова, вставшія на нашемъ пути, или разсѣять испуганность, которая овладѣла многими. Но намъ надо понять смыслъ испытаній и найти возможность служить этому смыслу. Если же мы будемъ стремиться понять сокровенный смыслъ всего происходящаго, то утѣшительность его станетъ для насъ несомнѣнной. Пусть многое мы переживаемъ съ болью, — всегда болитъ дерево жизни, и особенно во время критическихъ моментовъ своего роста.

Духовное существо наше многообразно и многопокровно. Каждый изъ насъ чувствуетъ эти покровы, — національную стихію, государственную, культурно-историческую. И вотъ нынѣ эти покровы надорваны. Мы переживаемъ трудный кризисъ, результатомъ котораго можетъ быть смерть, а можетъ быть обрѣтеніе новаго историческаго пути. И наше естественное человѣческое сознаніе страшится этого кризиса, страшится отвѣтственности. Нельзя опредѣлять этотъ страхъ лишь какъ стремленіе огородиться отъ трудныхъ вопросовъ жизни и добиться нѣкотораго духовнаго комфорта. Скорѣе въ немъ сказывается естественное влеченіе къ дѣтству, которое дорого для всѣхъ насъ. Оно дано намъ Богомъ. — святое дѣтство. Только въ немъ есть непосредственная обращенность къ Богу. И поэтому сказано: «Если не сдѣлаетесь какъ дѣти, не войдете въ Царствіе Небесное».

Но очень часто эта непосредственная дѣтскость подмѣняется привязанностью къ дѣтскому возрасту. Привлекаетъ его безотвѣтственность и беззаботность. И стремясь, не въ мѣру своего возраста, остаться въ этомъ состояніи, человѣкъ впадаетъ въ то, что психологами называется инфантилизмъ. Отъ этого со-

стоянія предостерегаетъ насъ апостоль Павелъ, говоря: «Не будьте дѣти умомъ, — на злое будьте младенцы».

При выходѣ изъ дѣтскаго возраста чело-вѣку надо подъять на себя сладостное иго свободы и отвѣтственности, — величайшій даръ Бога творенію. Даръ свободного выбора между добромъ и зломъ былъ данъ Богомъ и ангеламъ и человѣку. На основѣ свободы было совершено Адамомъ первое грѣхопаденіе. Свобода, — одинъ изъ красивѣйшихъ камней отношенія нашего къ Богу.

И нынѣ наши историческія судьбы ищутъ своего опредѣленія черезъ нашъ даръ свободы. Въ этомъ общій и благой смыслъ всего процесса.

Великое Россійское Государство въ союзѣ съ Церковью было нашей исторической дѣтской. Съ этимъ мы срослись. И все это рушилось въ одну ночь и продолжаетъ разрушаться повторными ударами.

Прервалась цѣлая историческая эпоха. Константиновская эпоха Православной Церкви. Нарастаютъ новыя отношенія между Церковью и государствомъ. Ранѣе союзъ Церкви съ государствомъ давалъ Церкви въ руки государственный мечъ. Нынѣ мы должны по прежнему хотѣть, чтобы государство християнизировалось. И утвержденіе аполитизма Церкви не есть отказъ ея отъ вліянія на дѣла государства, а только отказъ отъ прежнихъ методовъ вліянія.

Утверждая, что Константиновская эпоха окончилась, мы не станемъ ее осуждать. Надо глубоко чтить ее, какъ законную, хотя и временную: она окончилась, а Церковь будетъ жить и послѣ, и будетъ вліять и освящать, но иными методами.

И подаромъ Церковь именуешь Константина равноапостольнымъ Царемъ. Заслуга его заключалась въ томъ, что онъ принесъ и положилъ государство у ногъ Церкви. Это было тогда для Церкви единственно спасительнымъ.

Можетъ быть Россія еще увидитъ частичное возстановленіе старыхъ формъ, но вопросъ въ томъ, надо ли намъ, какъ церковнымъ людямъ, стремиться къ возстановленію этихъ формъ, или же намъ надлежитъ идти путемъ духовной борьбы съ

непріемлемы для насъ началами Государства-звѣря.

Задача христіанскаго государства рѣшительно стоитъ передъ нами. На Московскомъ соборѣ въ отдѣлѣ о взаимоотношеніи Церкви и Государства было признано, что Церковь призвана вліять на жизнь государства. Такимъ образомъ, постепенно прощаясь духомъ Церкви, государство становится Церковью. Эмпирически эта задача, конечно, не выполнима, потому, что въ исторіи мы всегда наблюдаемъ борьбу Христа и антихриста. Но для насъ неизбежны внутренній усилія къ осуществленію такой задачи.

На нашихъ глазахъ одновременно съ катастрофой русской государственности произошла и катастрофа Россіи. Идеалы русскаго народа помутѣли. Допустимъ, что это только временная болѣзнь. Но результатомъ ея является потрясеніе и въ нашемъ чувствѣ святой Руси.

Православіе зоветь насъ къ созиданію св. Руси, хотя и ни въ коемъ случаѣ не утверждаетъ ея, какъ догмату.

Раньше Москва и Россія казались намъ средоточіемъ и вершиной христіанской жизни. Потомъ, когда разразилась катастрофа, Святая Русь перестала для насъ быть нѣкимъ сладостнымъ фактомъ, какъ напримеръ, Сергіевскіе Лавра или Оптіа и Пустынь, а чѣмъ-то нереальнымъ, потонувшимъ градомъ Китекомъ.

Но мы знаемъ, что любовь даетъ ясно-вѣдѣніе и волю. Мы переходимъ отъ видимыхъ фактовъ и данностей къ творящей и движущей ихъ силѣ.

Святая Русь не виѣ насъ, но мы сами — святая Русь, поскольку мы ее въ себѣ утверждаемъ. Это утвержденіе не должно казаться горделивымъ. Оно подобно тому, какъ мы себя утверждаемъ пребывающими въ Церкви и самою Церковью. Энтузіазмъ о святой Руси есть святая святыхъ нашего національнаго самосознанія. Это не энтузіазмъ натуральнаго патриотизма, а конкретная связь съ душой Русскаго народа. Такой мы ее знаемъ и такой мы ее утверждаемъ больше рѣшительно, чѣмъ когда либо, вопреки виѣшней катастрофы.

Но насъ настаиваетъ и катастрофа церковно-іерархическая. Въ предшествующій періодъ въ церковномъ сознаніи царь былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, канонической главой Церкви. Это было не злоупотребленіемъ, а одной изъ особенностей Константиновскаго періода. Царь стоялъ во главѣ административнаго строя Церкви, былъ ея

«виѣшній епископъ» — особый священный санъ. Несмотря на длительность Константиновскаго періода необходимо признать, что этотъ царскій санъ не былъ неустрашимымъ изъ Церкви, былъ лишь историческимъ средствомъ. Теперь Церковь лишилась опоры царской руки и государственнаго меча, и въ ней стало ясно то, что не имѣетъ природы вѣчнаго. Обнаружилось это теперь, а существовало уже давно. Давно родилось живоцерковство: Духовная школа давала не только Филаретовъ, но и Чернышевскихъ. И не то бѣда, что многіе, кончавшіе семинаріи, отходили отъ Церкви, а бѣда, что многіе, склонные уйти, — оставались. Это выявилось въ разрушительныхъ настроеніяхъ части клира, сначала низшаго, а затѣмъ и высшаго съ 1917 года. Это же и привело и къ живой церкви. И церковный расколъ былъ бы еще жестче и трагичнѣе, если бы намъ не была явлена величайшая милость Божія, — если бы у насъ не было собора, избравшаго Патріарха. Вѣдь даже при этомъ условіи церковная жизнь протекаетъ трудно.

Самый тяжелый крестъ русскихъ іерарховъ, теперь есть нравственная пытка отвѣтственности, — какъ надо поступить во благо Церкви. Можно спорить о томъ, какъ дѣйствуетъ митрополитъ Сергіи, но трудно сомнѣваться, что онъ страждетъ отъ бремени отвѣтственности больше, чѣмъ соловецкіе узники. Извѣстно, что и священномученикъ митрополитъ Веніаминъ сначала проявлялъ колебанія и сомнѣвался относительно направленія своего церковнаго пути: стремиться ли ему возможно оградить церковный народъ отъ гоненій или пойти этимъ гоненіямъ навстрѣчу.

Каковъ смыслъ переживаемой церковной катастрофы?

Въ церковную распрю втянуты всѣ. Повиновеніе церковной власти стало вопросомъ совѣсти каждаго. На нашихъ плечахъ лежитъ самая большая тяжесть, испытаніе христіанской свободы, — высшаго дара Божественной любви.

Человѣку свойственно стремиться освободить себя отъ отвѣтственности. Въ этомъ заключается психологическій корень папизма. Но и наше стремленіе къ виѣшнему авторитету дѣлаетъ изъ насъ часто папистовъ безъ папы. Хотя и въ папизмъ остается свобода изначальнаго рѣшенія въ самомъ моментѣ пріятія папы. Надо остерегаться этого своеобразнаго внутренняго папизма въ Православіи.

Многое въ судьбѣ Православія опредѣ-

ляется тѣмъ, что оно не имѣетъ внѣшняго авторитета, въ отношеніи къ которому возможно прямое подчиненіе или возстаніе. Этимъ объясняется, что у насъ не могло быть реформациі. Иеретическій аризмъ не можетъ быть въ Православіи такъ разрушителенъ, какъ въ Католичествѣ.

Средневѣковый папизмъ заслонилъ путь къ небу, и протестантизмъ искалъ помимо папы личной встрѣчи съ Христомъ.

Въ Православіи личная непосредственная общенность каждаго члена Церкви ко Христу не встрѣчаетъ препятствія внѣшняго авторитета.

Наше время характеризуется наличиемъ иеретическихъ, догматическихъ искушеній и соблазновъ. Однако въ наличіи догматическаго броженія современности есть утѣшеніе потому, что «подобаетъ ересямъ быти, да явятся искуснѣйшіе». Сокровища истинной вѣры не подушка для нашего дѣтскаго разума, ихъ надо усвоить, пріобрѣтать и черезъ нашъ личный опытъ. Вѣра во Христа не математическая аксіома, а жизненно искомая дѣйствительность. И догматы—не мертвый капиталъ, а непрестанно раскрывающаяся вѣчная духовная сила, которая приближается къ нашему сознанию то той, то иной стороной. Исторія догматовъ, — не церковное благополучіе и порядокъ, а наличіе многихъ ересей и догматическихъ столкновеній и болѣе всего это приходится сказать объ эпохѣ Вселенскихъ Соборовъ. Въ брненіяхъ испытывается вѣра.

Начало новѣйшаго періода догматическаго броженія можно пріурочить къ 911—912 годамъ, т. е. ко времени, когда на Афонѣ началась борьба за ученіе объ имени Божіемъ. Это броженіе не представляеть изъ себя ничего опаснаго — оно не выходитъ за предѣлы христіанской догматики. Главное же условіе, избавляющее отъ легкаго соблазна, — это незлобіе и миръ въ сердцахъ.

Теперь мы брошены въ міръ инославія и духовно срослись съ нашими инославными друзьями. Несомнѣнно, что наша встрѣча съ англиканствомъ и со всѣми инославными исповѣданіями на Лозанской конференціи ставяетъ передъ нами задачи не только апологетическаго характера. Создается новое, какъ бы при-церковное съ нами общеніе.

Какъ примирить его съ тѣмъ, что церковные каноны не разрѣшаютъ намъ молит-

веннаго и личнаго общенія съ инославными?

Думается, что наше отношеніе къ инославнымъ должно опредѣлиться въ зависимости отъ ихъ активности въ отношеніи къ Церкви. Если по существу они стремятся къ единству во Христѣ, то въ такомъ случаѣ, запрещеніе каноническѣйшимъ не относится. Опытъ встрѣчи съ инославными даетъ подлинное ощущеніе единенія во Христѣ и вѣнція Духа Святаго. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, что мы должны быть интерконфессиональны. Но широта любви, заключенная въ Православіи, даетъ мѣсто совместной любви ко Христу и съ инославными.

Итакъ, можно сказать, что и наше трудное время заключаетъ въ себѣ много утѣшительнаго. Утѣшеніе его въ томъ, что все происходящее имѣетъ благодатный смыслъ и таитъ въ себѣ новыя творческія задачи. Каждая трудность всегда содержитъ въ себѣ свою особую задачу, которую намъ ставить Богъ. Надо ориентироваться съ присутствіемъ духа и съ разсудительностью. Надо отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что мы вступаемъ въ новую полосу церковно-историческаго сознанія, и во многомъ приходимся иначе ориентироваться, чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ, и только такъ мы можемъ найти себя. Надо понять, что всѣ разнообразныя историческія событія, все же только оболочка, душа, — а не духъ. И все происходящее происходитъ съ нами, а не въ насъ. То что, съ нами, — мѣняется, что въ насъ—неизмѣнно. Православіе являетъ всегда различныя облики святости. И Іоаннъ Златоустъ, и Исаакъ Сиринъ, и Тихонъ Задонскій, и Алексій Митрополитъ являются свѣтильниками той же Православной Церкви. И если мы поймемъ, что различныя духовныя облики равнозаконны въ Православіи, то въ этомъ сознаніи найдемъ исходъ изъ распыленія и индивидуализма, потому что при всемъ разнообразіи духовныхъ путей, всѣ они не выводятъ изъ общаго русла Православія, всѣ остаются въ предѣлахъ Церкви.

И учитывая то, что наша эпоха стоитъ подъ знакомъ особенной личной отвѣтственности и свободы, мы должны сознать, что эта свобода опирается на соборность, на единеніе въ любви и смиреніи. Смиреніе всегда есть несокрушимая скала. Оно даетъ намъ видѣть себя въ своемъ грѣхѣ и въ немощи.

И все происходящее, давая намъ сознаніе необходимости свободы и отвѣтственности,

рождает также же необходимость соборной любви. Даже в нашем малом собраніи есть это ощущеніе соборности. Оно скрѣпляется молитвой. Также соборной любовью строится Церковь. Такъ должна строиться Россія. Должно быть сознаніе, что для этого строенія Христосъ насъ собираетъ, Онъ ведетъ насъ къ святой Руси.

Соборность не есть конституціонная форма жизни Церкви. Она, — постоянно осуществляемая сила подвига и любви во Христѣ. И, такимъ образомъ, всякое соборованіе является побѣдой надъ целоубовью.

РОССІЯ СЕГОДНЯШНЯГО ДНЯ.

И. Лаговскій.

Въ послѣднее время всякое сопрікосновеніе съ духовнымъ обликомъ Россіи вызываетъ странную радость предчувствій. Россія находится въ состояніи какой-то огненной взвиренности, напряженно ищетъ новыхъ путей, итъ успокоенности, все пересматривается и оцѣнивается заново.

Во всѣхъ слояхъ населенія чувствуется такой духовный сдвигъ, вездѣ плещется взбаламученное море. Но особенно сильнѣе сейчасъ переломъ въ крестьянствѣ, которое тѣсно связываетъ поиски религіозной правды съ поисками правды соціальной. Въ крестьянствѣ очень сильны настроенія, которыя можно было бы сформулировать такъ: «Если ты докажешь, что Богъ есть, — мы готовы умереть за вѣру. Если же безбожники говорятъ правду, то мы пойдемъ за ними до конца».

Этотъ вопросъ символическій, стоящій передъ всей Россіей, и отъ отвѣта на него вообще зависитъ дальнѣйшій путь Россіи.

Съ другой стороны, въ области антирелигіозной пропаганды, ведущейся властью, намѣчаются также новые пути. Рѣчь идетъ уже объ оформленіи безбожнаго сознанія. Совѣтская власть утверждаетъ безбожіе, какъ официальную религію. И эта новая совѣтская вѣра приводитъ къ бытовому исповѣданію безбожія.

Надо сказать, что церковный народъ, въ большей степени, парализуетъ антирелигіозную работу власти. На антирелигіозныхъ собраніяхъ появляются апологеты и начетчики, довольно хорошо вооруженные для борьбы съ представителями официальной религіи. Облегчается ихъ положеніе тѣмъ, что въ очень многихъ вопросахъ безбожіе не имѣетъ единой

точки зрѣнія. Такъ, по вопросу о личности Христа существуетъ пять направлений.

Но помимо чисто теоретическихъ построеній безбожниковъ, существуетъ общій идеологическій обликъ правящего слоя Россіи. Такое утвержденіе, напимѣръ, что для пролетаріата не существуетъ самодовлѣющей цѣнности человѣческой личности, или что организованное убійство классового врага этично, — рождаетъ великую силу ненависти, которой заражена сейчасъ большая часть русской молодежи.

Это темное пламя должно найти выходъ въ благодатности — иначе не будетъ Россіи.

Передъ нами, въ этомъ отношеніи, во весь ростъ стоитъ задача борьбы за душу Россіи.

СООБЩЕНІЕ НИКИТИНА О БАЛКАНСКОМЪ ПОЛОЖЕНІИ.

Въ прошломъ году состоялась конференція, объединившая румынскую, сербскую, болгарскую, греческую и русскую молодежь. То, что въ плоскости политической могло представлять совершенно неосуществимымъ, благодаря многолѣтнему антагонизму различныхъ балканскихъ странъ, было преодолено въ плоскости религіозной, въ осознаніи своей принадлежности единой Православной Церкви. И тутъ, не смущаясь, надо признать объединительную роль русской части этой балканской конференціи. Духовная жизнь балканскихъ странъ переживаетъ сейчасъ большой кризисъ. Въ ней смутно чувствуется подходить къ сознанію крушенія гуманистическихъ формъ жизненнаго творчества. И на ряду съ довольно сильнымъ влияніемъ русской религіозно-философской мысли наличествуетъ также влияніе западныхъ материалистическихъ идей.

Въ свое время, въ періодъ вѣншей и политической мощи, Россійская государственность помогла балканскимъ народамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ отъ политической и національной зависимости. Сейчасъ русской народъ не обладаетъ вѣншей мощью. Но, сравнивая культурныя его достиженія и глубину его философской мысли съ тѣмъ, что есть на Балканахъ, мы невольно останавливаемся передъ неизбежною задачей помочь балканской интеллигенціи въ ея духовномъ самоопредѣленіи. Для этого почва у насъ есть.